

УДК 81.111'42

Лещенко А. В.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ДИСКУРСА: ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению лингвистических подходов к определению понятия «дискурс», установлению терминологического объема анализируемого феномена, а также описанию механизма взаимодействия субъектов коммуникации в социально-культурных условиях ситуации.

Ключевые слова: дискурс, интеракция, адресант, адресат, совместное внимание.

Лещенко Г. В. Лінгвістичні трактування дискурсу: інтеракціональний аспект. – Стаття.

Стаття присвячена розгляду лінгвістичних підходів до визначення поняття «дискурс», встановленню термінологічного обсягу феномена, що аналізується, а також опису механізму взаємодії суб'єктів комунікації в соціально-культурних умовах ситуації.

Ключові слова: дискурс, інтеракція, адресант, адресат, спільна увага.

Leshchenko A. V. Linguistic interpretations of discourse: interactional aspect. – Article.

The article centers on the linguistic approaches to the problem of discourse definition, the terminological content of the phenomenon analysed is being determined. The mechanism of interaction between the subjects of communication under social and cultural conditions of the situation is also described.

Key words: discourse, interaction, addresser, addressee, joint attention.

Понятие дискурса – комплексного, многоаспектного феномена, изучаемого целым рядом наук – языкознанием, литературоведением, культурологией, психологией, философией, социологией и др., – является одним из ключевых понятий современного научного знания. Несмотря на внушительное количество зарубежных [4; 29; 28; 30; 7; 32; 19; 12; 20; 31; 15; 13; 9; 6; 27; 21] и отечественных исследований [3; 17; 16; 23; 24; 8], посвященных проблемам изучения дискурса, четкого и общепринятого определения понятия «дискурс» не существует до сих пор, что объясняется как междисциплинарным статусом самого понятия [10, 81–86], так и различиями в его первоначальной трактовке национальными школами дискурсивного анализа: англо-американской (З. Харрис, Дж. Граймс, Т. Гивон, У. Чейф), французской (Э. Бенвенист, М. Пеше, М. Фуко, П. Серио), немецко-австрийской (У. Маас, Ю. Линк, Ю. Хабермас, Р. Водак) [22, 136–142]. Что касается восточноевропейской лингвистической науки, то термин «дискурс» (в собственно лингвистическом смысле) оказался привнесенным и спроецированным на уже существующие традиции функционально-стилистического анализа речи, в результате чего калькированное использование данного термина зачастую происходило без последовательной опоры на стоящие за ним различные теории [22, 136–142].

Целью статьи является систематизация лингвистических трактовок понятия «дискурс» и уточнение его содержательного объема, преломляемого сквозь призму анализа интеракциональных отношений, связывающих субъектов коммуникации.

Понятийная «размытость» [7, 46] термина «дискурс» и разнообразие его толкований обусловили его широкое употребление в сфере лингвистики и смежных с ней наук, поскольку из-за

отсутствия четкой дефиниции именно этот термин смог удовлетворить различные понятийные потребности путем определенной модификации традиционных представлений о речи и ее конституирующих единицах – *высказывании* (как единице сообщения, обладающей смысловой целостностью и созданной в ходе конкретного речевого акта) и *тексте* (как статическом результате речемыслительной деятельности коммуникантов), а также представлений о *коммуникативной интеракции* (как взаимодействии собеседников) и *речевом жанре* (как относительно устойчивом тематическом, композиционном и стилистическом типе текста, связанном со способом представления типичной ситуации в виде конкретных коммуникативных стратегий и тактик). Вместе с тем, по словам И. Шевченко, «вряд ли можно говорить о появлении неизвестного ранее лингвистического феномена или языкового/речевого уровня: в случае дискурса скорее имеем дело с новым фокусом исследований, новым горизонтом видения речевой коммуникации» [24, 10].

Многочисленные попытки терминологического определения понятия «дискурс» демонстрируют широкий спектр лингвистических подходов к его интерпретации и свидетельствуют о семантической неоднозначности самого термина [4, 146; 17, 13; 24, 10; 22, 147]. Так, представитель французской школы дискурсивного анализа П. Серио, ссылаясь на определение Д. Мажено, различает восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь», то есть любое конкретное высказывание; 2) единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; 3) воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию, что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказыва-

ния; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь, «присваиваемая говорящим» (по Э. Бенвенисту), в противоположность «повествованию»; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) система ограничений, накладывающихся на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции («феминистский», «административный» дискурс); 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследования производства текста [18, 26–27].

Такая же мозаичность представлений, обозначаемая термином «дискурс», характерна и для восточноевропейской лингвистики, что находит свое отражение в существующих классификациях значений указанного понятия. В частности, российский ученый И. Сусов дифференцирует эти значения следующим образом: «Дискурс может пониматься: а) как текст в различных его аспектах; б) как связная речь (З. Харрис); в) как актуализованный текст, в отличие от текста как формальной грамматической структуры (Т. ван Дейк); г) как когерентный текст (И. Беллерт); д) как текст, сконструированный говорящим для слушателя (Дж. Браун, Дж. Юл); е) как результат процесса взаимодействия в социокультурном контексте (К. Пайк); ж) как связная последовательность речевых актов, то есть как образование, включенное в коммуникативно-прагматический контекст, в отличие от текста как последовательности предложений, отвлеченной от коммуникативно-прагматического контекста (Н. Арутюнова, И. Сусов); з) как единство, реализующееся как в виде речи, то есть звуковой субстанции, так и в виде текста, то есть в письменной форме (В. Богданов); и) в философии – как рассуждение с целью обнаружения истины (Ю. Хабермас)» [20, 170].

Нетрудно заметить, что большинство этих определений так или иначе характеризуют дискурс либо как результат речемыслительной деятельности, либо как собственно коммуникативный процесс, либо как их единство, поэтому вполне закономерно выглядят попытки обобщения современных представлений о сущности дискурса и приведения их к общему знаменателю. Так, отечественная исследовательница Е. Селиванова усматривает возможность сведения этих определений дискурса к четырем наиболее употребительным: 1) текст, высказывание, погруженное в определенную социокультурную ситуацию; 2) коммуникативная ситуация, интегрирующая текст с другими ее составляющими; 3) речевое событие; 4) тип дискурсивной практики, коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере [16, 35–42].

В контексте обсуждаемой проблемы следует упомянуть и классификации, комбинирующие ос-

новные трактовки дискурса, что связано в первую очередь с ракурсом конкретных исследований и выдвиганием на первый план тех или иных аспектов дискурса. К примеру, В. Чернявская различает два уровня осмысления дискурса [22, 143–147]. *Дискурс 1* обозначает «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве». В этом смысле дискурсивный анализ концентрируется на степени и характере влияния экстралингвистического фона – социальных, культурных, идеологических и прочих факторов – на формирование тех или иных языковых закономерностей, что позволяет определять дискурс как «речь, погруженную в жизнь». Под *Дискурсом 2* понимается совокупность тематически соотнесенных текстов, где содержание (тема дискурса) раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов (политический, рекламный, медицинский дискурс и пр.). В этом смысле дискурс предполагает комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы (дискурсивной формации, согласно с М. Фуко). Отметим, что, по сути, в этом случае речь идет не о дискурсе как таковом, а о его *типах*.

Несколько иначе дифференцирует дискурс Ф. Бацевич [3]. Ссылаясь на Н. Арутюнову [2, 137] и Ю. Степанова [19], под *Дискурсом 1* он понимает «текст, погруженный в жизнь», за которым стоит особая грамматика, лексикон, семантика, правила словоупотребления и синтаксиса, а в конечном итоге – особый мир. Иными словами, Дискурсом 1 именуется социально ориентированная речь. *Дискурс 2* рассматривается как тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток, имеющий различные формы проявления (устную, письменную, внутреннюю, паралингвальную и т. д.). Эта деятельность осуществляется в пределах конкретного канала общения, регулируется стратегиями и тактиками участников коммуникации и представляет собой синтез когнитивных, языковых, внеязыковых факторов, зависящих от тематики общения. В этом смысле автор связывает дискурс с понятием *речевого жанра*.

Разноплановость определений дискурса свидетельствует о том, что сегодня он понимается как сложное коммуникативное явление, анализ которого предполагает учет лингвистических и экстралингвистических факторов, предопределяющих специфику процессов текстопорождения и текстовосприятия. Такое понимание представлено, в частности, в определении К. Серажим [17, 13], которая характеризует дискурс как сложный социолингвистический феномен современной коммуникативной среды, который, во-пер-

вых, детерминируется (прямо или косвенно) социокультурными, политическими, прагматически-ситуативными, психологическими и другими (конституирующими или фоновыми) факторами; во-вторых, имеет «видимую», или лингвистическую, структуру (связный текст или его семантически значимый и синтаксически завершенный фрагмент) и «невидимую», или экстралингвистическую (знания о мире, мнения, установки, цели адресата, необходимые для понимания этого текста); в-третьих, характеризуется общностью мира, который «строится» в процессе разворачивания дискурса его репродуктором (автором) и интерпретируется его реципиентом (слушателем, читателем и др.).

Совместная коммуникативная деятельность адресанта и адресата, акцентируемая в дефиниции дискурса, связана с его *интеракционной* (*интерактивной*) природой. Главным принципом интеракционной модели коммуникации, согласно с позицией Д. Шиффрин, признается «взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия ситуации» [32, 398]. При этом субъекты коммуникации обязательно равноправны, связаны взаимными ожиданиями и установками, общим интересом к предмету общения [5, 117]. Такая точка зрения более чем правомерна, поскольку сама коммуникация в целом и человеческая коммуникация в частности являются процессом взаимной координации деятельности посредством вербальных и невербальных знаковых систем, вырабатываемых и изменяемых в самом этом процессе (У. Матурана), поэтому коммуникационный процесс предполагает создание сферы совместных действий, консенсуальной дискурсивной (или знаковой) сферы [11]. Эффект коммуникационного взаимодействия (интеракции) проявляется в сближении или отдалении позиций коммуникатора и реципиента по поводу общего предмета, то есть в расширении или сближении возможностей их взаимопонимания и сотрудничества, а в конечном счете – в достижении *согласия* между партнерами по коммуникации. Возникновение согласия обеспечивает взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств участников интеракции, что позволяет им понимать, принимать или отвергать точки зрения и оценки друг друга [5, 117]. Интерактивность (сравним: диалогичность в трактовке М. Бахтина) является природным свойством дискурса и проявляется в его адресованности, общности проблем, диалогическом характере мышления/понимания и т. д. [23].

При естественном общении в режиме онлайн его участники вступают в непосредственный контакт, разделяя условия коммуникативной ситуации – время, место, обстоятельства общения и пр. (рис. 1).

Тем самым в дискурсивном пространстве формируется область совместного внимания (*joint attention*), что предполагает «не просто одновре-

менное внимание к одному и тому же объекту», а «общее интенционально обусловленное отношение к миру» [33, 24–25]. Согласно концепции американской исследовательницы В. Тобин [33] ситуация совместного внимания характеризует событие, в котором два (и более) субъекта взаимодействуют друг с другом при посредничестве определенного объекта. При этом оба участника коммуникации осознают, что это внимание обоюдно, и воспринимают друг друга «как бы извне», как равноправных участников события. По мнению автора, способность к совместному вниманию лежит в основе языковой коммуникации. Умение мыслить интересубъективно, взаимодействуя с другими людьми и разделяя с ними представления об окружающей действительности, не только способствует овладению языком (включая установление референциальных связей с окружающим миром), но и гарантирует возможность выражать и понимать ментальные идеи и образы [33, 3].

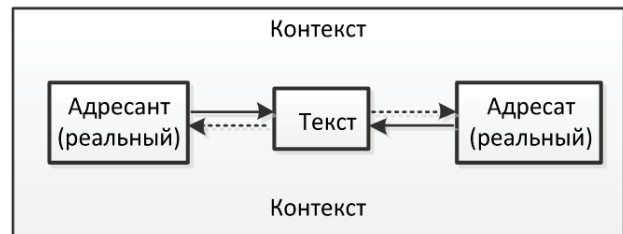

Рис. 1. Существование текста в реальном дискурсивном пространстве

Фактор совместного внимания предопределяет наличие дискурсивного пространства, которое является *общим* для адресанта и адресата (*shared discourse space*) в типичных условиях устной коммуникации. В письменной же коммуникации адресант и адресат разъединены в физическом времени и/или пространстве, вследствие чего дискурс (в определении Дж. Гевинс) оказывается *расщепленным* (*split discourse space*) [14, 96]. При расщепленной коммуникации, проходящей в режиме офлайн, субъекты взаимодействуют друг с другом, разделяя «по умолчанию» условия и обстоятельства коммуникации, коммуникативные интенции, способы их реализации и пр., то есть дискурсивный контекст общения. Расщепление дискурса приводит к формированию авторской и читательской «перспектив», при которых один из участников коммуникации остается реальным («эмпирическим» [1, 63]), а другой оказывается виртуальным («идеальным» [26, 13]). В расщепленном дискурсе, *рассматриваемом в авторской перспективе*, представлены реальный автор (адресант) и виртуальный читатель (адресат) (рис. 2а). Расщепленный дискурс, *рассматриваемый в читательской перспективе*, предполагает присутствие реального читателя, интерпретирующего текст, и его виртуального автора (рис. 2б).

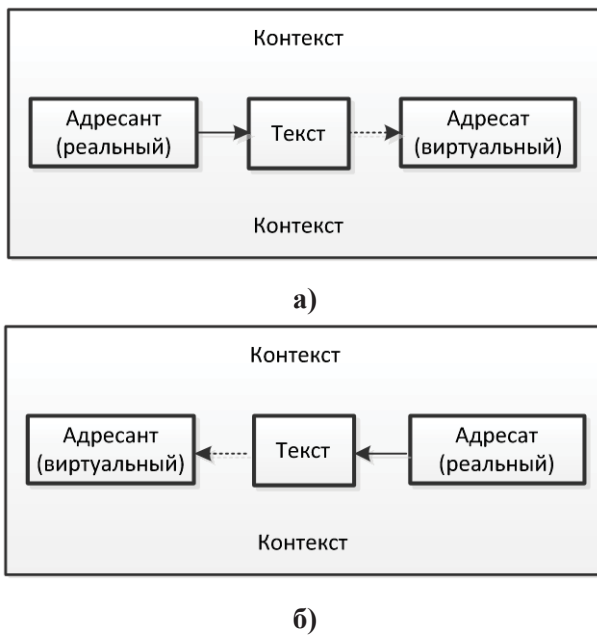

Рис. 2. Существование письменного текста в расщепленном дискурсивном пространстве

Таким образом, в терминах диалогических отношений, устанавливающихся между субъектами коммуникации, мы рассматриваем дискурс как

взаимодействие коммуникантов (адресанта и адресата), осуществляемое в социально-культурных условиях ситуации с помощью семиотического кода.

Код, по определению У. Эко, – «система коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семиотических блоков (смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждый из них устанавливается правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки) синтагматически выстроены» [25]. В случае вербального дискурса взаимодействие коммуникантов осуществляется посредством текстов (устных и письменных), создаваемых с помощью языкового кода. Это взаимодействие имеет два взаимосвязанных аспекта: *адресацию* как создание текста автором для адресата и *интерпретацию* как восприятие и понимание последним того, что хотел сообщить автор. Согласованность/рассогласованность процессов адресации и интерпретации свидетельствует об успешности/неуспешности коммуникации.

Перспективы работы усматриваем в использовании полученных выводов в дальнейших исследованиях текста и дискурса.

Литература

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Вып. 46. – Т. 9. – С. 62–71.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М.: Больш. рос. энциклоп., 1990. – С. 136–137.
3. Бацевич Ф. С. Термінологія комунікативної лінгвістики: аспекти дискурсивного підходу / Ф. С. Бацевич [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://tc.terminology.lp.edu.ua/TK_Wisnyk453/TK_wisnyk453_bacewych.htm.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышевой, Н. И. Мельниковой. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
5. Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникации: [учебное пособие] / О. Л. Гнатюк. – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
6. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: [монография] / В. С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
7. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк; пер. с англ. и под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
8. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / [Л. Р. Безуглая, Е. В. Бондаренко, П. М. Донец и др.]; под ред. И. С. Шевченко. – пер. с укр. – Х.: Константа, 2005. – 356 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shevchenkois-h.univer.kharkov.ua/books.html>.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
10. Касумова М. Ю. Дискурс как объект междисциплинарного исследования / М. Ю. Касумова // Язык. Текст. Дискурс: [научный альманах Ставропольского отделения РАЛК] / ред. проф. Г. Н. Манаенко. – 2009. – Вып. 7. – С. 81–86. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.twirpx.com/files/languages/linguistics/periodic/yazyk_tekst_diskurs.
11. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса / В. Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 337–353. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kachkine.narod.ru/Artices2006/KashkinVB2005ContrDiscTambod.htm>.
12. Кубрякова Е. С. Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: матер. науч. конф. / под ред. О. В. Александровой, Е. С. Кубряковой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26.
13. Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании / Е. С. Кубрякова // Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 519–531.
14. Кушнерук С. Л. Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2(40). – С. 93–101.
15. Макаров Л. М. Основы теории дискурса / Л. М. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
16. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: [монографическое учебное пособие] / Е. А. Селиванова. – К.: ЦУЛ «Фитосоцицентр», 2002. – 336 с.
17. Серажим К. С. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики): [монографія] / К. С. Серажим; за ред. В. В. Різун. – К.: Видавець Паливода А. В., 2002. – 392 с.

18. Серю П. Как читают тексты во Франции / П. Серю // Квадратура смысла: Французская школа дискурсивного анализа. – М. : Прогресс, 1999. – С. 14–53.
19. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М. : РГГУ, 1995. – С. 35–73. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm>.
20. Сусов И. П. История языкознания : [учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов] / И. П. Сусов. – Тверь : Тверский государственный университет, 1999. – 272 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://royallib.ru/book/susov_ivan/istoriya_yazikoznaniya.html.
21. Текст и дискурс : [учебное пособие для магистрантов] / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, Е. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жуль. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 232 с.
22. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность : [учебное пособие] / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
23. Шевченко И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И. С. Шевченко, Е. И. Морозова // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shevchenkois-h.univer.kharkov.ua/articles.html>.
24. Шевченко И. С. Когнитивно-коммуникативная парадигма и анализ дискурса / И. С. Шевченко // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен : [коллективная монография] / под ред. И. С. Шевченко. – Х. : Константа, 2005. – С. 9–20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shevchenkois-h.univer.kharkov.ua/books.html>.
25. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резника. – М. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.socium.ge/downloads/komunikacii/istoria/otsutstvuiushaia%20struktura%20umberto%20eko.pdf>.
26. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб : Симпозиум, 2007. – 502 с.
27. Язык. Текст. Дискурс : [научный альманах Ставропольского отделения РАЛК] / ред. проф. Г. Н. Манаенко. – 2009. – Вып. 7. – С. 87–91. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.twirpx.com/files/languages/linguistics/periodic/yazyk_tekst_diskurs.
28. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
29. Dijk T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse / T. A. Dijk. – Hague : Mouton, 1981. – 331 p.
30. Dijk T. A. Discourse Analysis as a New Cross-Discipline / T. A. Dijk // Handbook of Discourse Analysis. – L. : Academic Press, 1985. – V. 1. – P. 41–70.
31. Jorgensen M. Discourse Analysis as Theory and Method / M. Jorgensen, L. Phillips. – L. : Sage Publications, 2002. – 229 p.
32. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.
33. Tobin V. Literary Joint Attention: Social Cognition and the Puzzles of Modernism : dissertation submitted to the Faculty of Graduate School of the University of Maryland, College Park, in partial fulfillment for the degree of Doctor of Philosophy / V. Tobin. – Maryland, 2008. – 219 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://drum.lib.umd.edu/bitstream/1903/8059/1/umi-umd-5219.pdf>.